

УДК 34.096

М. В. ГУБИЧ

ФОРМАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Использование естественного языка в текстах нормативных правовых актов является фактором, понижающим эффективность законодательства. В статье обосновывается необходимость формализации текстов нормативных правовых актов, что позволит повысить эффективность законодательства за счет обеспечения надлежащего выполнения требований нормотворческой техники к логике, структуре и текстам нормативных правовых актов, компьютеризации информационных процессов как в нормотворческой деятельности, так и на практике применения законодательства, разработки реально работающих систем поддержки принятия решений и экспертных систем в правовой сфере, использования в полном объеме инструментария точных наук в ходе деятельности по прогнозированию последствий принятия, изменения, дополнения нормативных правовых актов.

M. V. GUBICH

FORMALIZATION OF LANGUAGE OF LEGAL ACTS AS MEANS OF INCREASE IN THEIR EFFICIENCY

The use of natural language in the texts of legal acts is a factor in lowering the effectiveness of the legislation. The necessity of the formalization of texts of legal acts, which will improve the effectiveness of legislation at the expense of: ensuring the proper implementation of the requirements of the normative technique to logic, structure and texts of regulatory legal acts; computerization of information processes, as in the standard-setting activities, and on the practice of law; development actually operating decision support systems and expert systems in the legal field; make full use of instruments of exact sciences in the course of activities on forecasting the consequences of adoption, change, additions of regulatory legal acts.

ГУБИЧ
Михаил Валерьевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры правовой информатики учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

Состояние современного законодательства многими правоведами оценивается как кризисное [1, с. 55; 2, с. 209; и т. д.], характеризующееся большим числом нормативных правовых актов, частыми изменениями и дополнениями законодательства, наличием противоречий между отдельными правовыми нормами, правовыми институтами и практикой правоприменения. «Человеку со стороны (не юристу) трудно представить, что в той отрасли знания, где измерения должны составлять ее самую суть, эти измерения остаются „за кадром“, а важные решения принимаются „на глазок“. Даже фундаментальные понятия юриспруденции остаются еще „в тумане“» [3, с. 279].

Соглашаясь с такой оценкой, полагаем, что перечисленные проблемы обусловлены использованием естественного языка при изложении текстов нормативных правовых актов. Кроме того, мы убеждены, что **для преодоления кризисных явлений в современной юриспруденции необходимо осуществить формализацию правовой информации и адаптировать ее к точным наукам.**

Предлагаемый подход не нов, однако его нельзя назвать и традиционным. Так, впервые вопрос о возможности формализации правового материала и алгоритмизации правовых задач поставил один из основоположников кибернетики американский математик Н. Винер [4]. Отправной точкой в изучении возможности применения методов и средств кибернетики при решении государ-

ственно-правовых проблем в Советском Союзе стало создание в 1959 году Научного совета по кибернетике Академии наук СССР и учреждение при нем Секции права [5, с. 255]. Основными направлениями исследований данной секции были машинная организация справочно-информационной службы в области права; автоматизированный сравнительный анализ содержания нормативных правовых актов (обнаружение противоречий, непоследовательности и повторов в действующем законодательстве); организация работы по обобщению судебной практики; применение методов и средств кибернетики в криминалистических экспертизах (например, в судебной проверке финансовой отчетности, исследовании подлинности документов по заданным формальным признакам, установлении авторской принадлежности документов по графическим и стилистическим характеристикам и т. д.); создание информационного языка для права.

За прошедшее с тех пор время развитие информационных технологий приобрело немыслимые по прежним меркам масштабы, еще более впечатляющими оказались результаты применения этих технологий для решения разнообразных прикладных задач. Однако *современная юриспруденция как практическая деятельность юристов характеризуется несопоставимо низкой степенью использования достижений IT-индустрии по сравнению с реально имеющимися возможностями.* Сам термин «кибернетика»

практически вышел из употребления, да и правовой кибернетике удалось реализовать свой потенциал лишь в области экспертной деятельности и справочных правовых систем. При этом следует отметить, что последние по сути являются лишь сборниками правовой информации в электронном виде. Повышение эффективности деятельности их пользователей достигается за счет снижения временных затрат на поиск информации посредством автоматизации поисковых процессов. Однако задача автоматизированного сравнительного анализа содержания нормативных правовых актов, обнаружения противоречий, непоследовательности и повторений в законодательстве так и не была решена. В связи с этим следует согласиться с М. В. Кирышкиным, который отмечает, что, затронув вышеуказанные, по сути, служебные области, *«новейшая научно-техническая революция не затронула принципов юридической специальности и не внесла принципиальных коррективов в методологический аппарат юридической науки»* [6, с. 17].

Несмотря на ряд фундаментальных и прикладных исследований, проведенных на протяжении рассматриваемого периода, на практике людям, в том числе квалифицированным юристам, с каждым днем становится все более сложно решать конкретные правовые задачи. В Республике Беларусь ежегодно принимаются, изменяются и дополняются тысячи нормативных правовых актов. Например, в 2015 году их число составило 2518. Общее же количество действующих нормативных правовых актов, помещенных в справочную правовую систему «КонсультантПлюс. Беларусь», по состоянию на 17 октября 2016 г. составляет 119 645. Анализируя сложившуюся ситуацию, Г. А. Василевич указывает, что *«подобное обилие актов законодательства, несмотря на их позитивность, перегружает правовую систему, поэтому в ней нередко происходят “сбои”»* [1]. О кризисных явлениях в современной юриспруденции заявляет и В. П. Шиенок. «Основными проблемами действующего законодательства являются: большое число нормативных правовых актов и устойчивая тенденция к их увеличению; его противоречивость; высокая степень динамичности, постоянные изменения и дополнения действующего законодательства; неоправданно большое количество запретов, ограничений и специальных процедур (бюрократизация права); наличие противоречий между принципами права, отдельными правовыми нормами, правовыми институтами и практикой правоприменения; низкая степень участия юридической общественности и населения в правотворческом процессе» [2, с. 210].

Следует указать на *самое негативное, по нашему мнению, свойство белорусского законодательства – его гипердинамичность*, последствия которого описывает В. П. Шиенок: *«Человек не в состоянии даже прочитать огромное количество действующих норм права, а не то чтобы знать, и даже высококлассный юрист оказывается бессильным, сталкиваясь с новым для себя казусом»* [7, с. 177]. Противоречия в законодательстве, обусловленные его высокой динамичностью, содержащем все большее количество неточных формулировок, алогичных и противоречивых норм. Как следствие, практики просто не успевают отслеживать и осмысливать очередные новации» [8, с. 270].

При этом такое состояние современного законодательства прогнозировалось учеными, стоявшими у истоков кибернетики права. Так, Д. А. Керимов еще в 1962 году отмечал, что в «связи со все возрастающим числом правовых предписаний, научных юридических публикаций и иных правовых материалов, по-видимому, будет расти и общее время, затрачиваемое практическими и научными работниками на поиски необходимой им юридической информации. В результате складывается положение, когда на долю высококвалифицированного, творческого труда останется незначительный процент рабочего времени. Именно поэтому мы должны воспользоваться несравненно более эффективными средствами поиска, передачи и переработки информации, разрабатываемыми ныне на основе достижений кибернетики» [9, с. 102].

Именно гипердинамичность и большой объем законодательства обуславливают насущную потребность в его формализации и разработке специальных средств, позволяющих компьютеризировать информационные процессы для обеспечения наибольшей эффективности. Однако *если имеются реальная потребность и технические возможности ее удовлетворения, то что тогда препятствует данному процессу? Почему, несмотря на все положительные перспективы, человеком не используются достижения IT-индустрии при обработке, представлении, хранении правовой информации?*

Ответ на эти вопросы, по нашему мнению, связан в первую очередь с правотворчеством как видом специальной государственной деятельности, требования по осуществлению которой обусловлены нормотворческой техникой – правилами, приемами, средствами и способами создания нормативных правовых актов, что обеспечивает необходимую точность и однозначность их понимания.

Языковые требования, предъявляемые к тексту нормативного правового акта и его терминологии, определены в главе 8 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» и в общем виде сводятся к следующим:

- текст нормативного правового акта излагается лаконично, простым и ясным языком, исключающим различное толкование норм, с соблюдением официально-делового стиля литературного языка и юридической терминологии;
- термины и понятия, используемые в тексте нормативного правового акта, должны быть понятными и однозначными;
- одни и те же термины в нормативных правовых актах должны употребляться в одном значении и иметь единую форму;
- в тексте нормативного правового акта не допускается употребление в одном и том же смысле разных понятий (терминов), нечетких словосочетаний [10].

Приведенные нормативные положения согласуются с общепринятой в правовой науке точкой зрения относительно необходимости подчинения терминологии нормативных правовых актов ряду требований: единство терминологии (один и тот же термин должен употребляться во всех нормативных актах в одном и том же смысле), общепризнанность термина (слова не должны быть придуманы только для данного закона или применяться в нем в каком-то особом смысле разработчиками законопроекта),

стабильность терминов (их смысл не должен изменяться с каждым новым законом), доступность (слова и выражения закона должны в целом давать правильное представление о содержании его норм) [11, с. 120].

Исходя из изложенного, представляется обоснованным утверждать, что *учеными и законодателем сформированы основные требования к языку права как к частично искусственному языку*. Естественный язык, предназначенный для повседневного общения, имеет ряд свойств, которые не удовлетворяют требованиям Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»: слова имеют не одно, а несколько значений; используются слова с неточным и неясным содержанием; значения отдельных слов и выражений зависят не только от них самих, но и от контекста; распространены синонимы и омонимы; одни и те же предметы могут иметь несколько названий; используются слова, не обозначающие никаких предметов, и т. д.

Вместе с тем проведенный анализ законодательства Республики Беларусь показывает, что тексты нормативных правовых актов излагаются на естественном языке (с соблюдением официально-делового стиля литературного языка), вышеуказанные свойства которого не позволяют выполнить легальные требования к языку права и его терминологии.

В подтверждение данного тезиса в качестве примера рассмотрим такой термин, как «безопасность». Анализ положений Концепции национальной безопасности Республики Беларусь позволяет заключить, что вся деятельность государства, включая нормотворческую, направленна на обеспечение национальных интересов, в том числе интересов личности в реализации конституционных прав и свобод, основными из которых являются право на жизнь и ее достойный уровень, право на свободу, неприкосновенность и достоинство личности, неприкосновенность жилища и иных законных владений граждан, право на труд и отдых, охрану здоровья, благоприятную окружающую среду, право на образование и т. д. В указанном ряду право гражданина на безопасность выполняет роль комплексного права-гарантии, поскольку пронизывает все основные права, создавая необходимые условия для их реализации.

Исходя из особой значимости вопросов обеспечения безопасности граждан, представляется логичным предполагать, что рассматриваемая сфера общественных отношений имеет должную правовую регламентацию, а нормативные правовые акты соответствуют предъявляемым к ним и их текстам требованиям.

Однако проведенный нами анализ нормативных правовых актов Республики Беларусь и научной литературы свидетельствует об обратном. Так, ученым сообществом не выработана единая точка зрения относительно определения термина «безопасность», а в законодательстве отсутствует его легальная дефиниция. Кроме того, национальное законодательство содержит более 70 определенных различных видов безопасности, которые имеют различные конструкции и содержание, вступая в противоречие друг с другом.

Аналогичная ситуация имеет место и в отношении термина «личная безопасность», который не имеет как еди-

ного научного понимания, так и нормативного правового определения, однако используется более чем в 200 актах законодательства, что не соответствует указанным выше требованиям к единству терминологии, общепризнанности, стабильности терминов и их доступности.

При этом «личная безопасность» является смыслообразующим термином правовых норм. Так, в ст. 11 Закона Республики Беларусь «О порядке и условиях содержания лиц под стражей» к объектам личной безопасности законодатель относит жизнь и здоровье лица, содержащегося под стражей; в ст. 28 Закона Республики Беларусь «Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь» – жизнь, здоровье и имущество; в ст. 25 Закона Республики Беларусь «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь» – жизнь, здоровье, честь, достоинство и имущество и т. д.

В Законе Республики Беларусь «Об охране труда» такой объект, как здоровье, законодателем исключен из смысла термина «личная безопасность», так как в соответствии со ст. 19 указанного нормативного правового акта «работавший обязан заботиться о личной безопасности и личном здоровье...».

Ряд нормативных правовых актов не определяет объекты личной безопасности. Например, в ст. 14 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» указывается, что органы внутренних дел осуществляют информирование граждан о способах и средствах обеспечения личной безопасности (о каких способах и средствах обеспечения личной безопасности может идти речь, если нет единого понимания что такое личная безопасность?), ст. 73 Кодекса торгового мореплавания Республики Беларусь устанавливает право капитана судна на владение огнестрельным оружием и его применение для обеспечения личной безопасности (если в законодательстве не раскрыто содержание понятия «личная безопасность», то в каких случаях капитан может применить оружие) и т. д.

В связи с этим можно заключить, что в законодательстве отсутствует не только дефиниция понятия «личная безопасность», но и единое понимание его содержания, что является прямым нарушением требований Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», приводит к многочисленным коллизиям нормативных правовых актов, снижает их эффективность как действенного инструмента государственного управления в сфере обеспечения безопасности граждан.

При этом Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» запрещает применение правовых норм, противоречащих установленным требованиям, в связи с чем в настоящее время по формальным критериям не могут применяться все нормативные правовые акты в сфере личной безопасности граждан.

Изложенный пример свидетельствует о том, что *в целях устранения неопределенности, явных пробелов и противоречий законодательства, а также повышения его эффективности представляется необходимым дополнить систему законодательства легальными дефинициями терминов, являющихся смыслообразующими в правовых нормах, т. е. создать правовой глоссарий*.

Создание правового глоссария является одним из этапов формализации языка нормативных правовых актов. Логика настоящего исследования указывает на необходимость разъяснения данного утверждения.

Искусственные (формальные) языки создаются для специальных целей либо для определенных групп людей: язык науки, математики, морской семафор, язык программирования и т. д. Характерной особенностью искусственных языков является однозначная определенность их словаря (глоссария), правил образования выражений и правил придания им значений. Формальный язык характеризуется точными правилами построения выражений и их понимания. Он строится в соответствии с четкими правилами, обеспечивая непротиворечивое, точное и компактное отображение свойств и отношений изучаемой предметной области (моделируемых объектов).

Таким образом, полагаем обоснованным сделать следующие выводы.

1. Использование естественного языка в текстах нормативных правовых актов является фактором, понижающим эффективность законодательства и препятствующим внедрению информационных технологий в правовую сферу.

2. В целях повышения эффективности законодательства необходимо осуществить формализацию текстов нормативных правовых актов: составить правовой глоссарий; провести обработку текстов нормативных правовых актов с целью представления их содержания в виде набора характерных признаков и структурных элементов, выявления взаимосвязей и зависимостей между ними. Используя полученные результаты, представляется возможным разработать логико-лингвистическую модель законодательства и описать ее языком программирования.

3. Проведенная работа позволит:

повысить эффективность законодательства за счет обеспечения надлежащего выполнения требований Зако-

на «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» к текстам и терминологии нормативных правовых актов, исключив наиболее распространенные погрешности современного законодательства: неоправданное заимствование иноязычной терминологии при наличии соответствующих терминов в русском языке; «юридизацию» элементов обиходной и публицистической лексики; неверное обозначение модальности нормативного предписания; злоупотребление оценочными понятиями, т. е. крайне абстрактными, неопределенными, расплывчатыми словами и словосочетаниями, способными в процессе толкования приобрести у различных интерпретаторов разные смыслы; неправильное установление логико-семантических отношений между понятиями; неясность формулировок нормативных правовых актов, проявляющаяся в их языковой недостаточности (мысль разработчика выражена не достаточно полно) либо избыточности (в тексте нормы присутствуют лишние слова, затрудняющие постижение ее смысла); неточность формулировок правовых норм (мысль разработчика оформлена ненадлежащими лексическими средствами); искусственное усложнение синтаксических конструкций, ввиду чего смысл нормы улавливается с трудом и т. д.;

компьютеризировать информационные процессы как в нормотворческой деятельности, так и в практике применения законодательства;

разработать реально работающие системы поддержки принятия решений и экспертные системы в правовой сфере;

в полном объеме использовать инструментарий точных наук (особенно математики) в ходе деятельности по прогнозированию последствий принятия, изменения, дополнения нормативных правовых актов.

Список использованных источников

1. Василевич, Г. А. Нормативные правовые акты как источники белорусского права: соотношение, действие, утрата юридической силы / Г. А. Василевич // *Юридическая наука и образование*. 2008. – № 1. – С. 54–84.
2. Шиенок, В. П. Проблемы правового воспитания молодежи в современных условиях / В. П. Шиенок // *Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь*. – 2010. – № 1. – С. 209–213.
3. Ольков, С. Г. Юридико-математическая модель системы права, правоотношений и юридической ответственности / С. Г. Ольков // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2014. – № 4. – С. 279–285.
4. Винер, Н. Кибернетика и общество [Электронный ресурс] / Н. Винер. – М. : Изд-во иностранной лит-ры, 1958. – 199 с. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000816/>. – Дата доступа: 23.02.2016.
5. Аксель Иванович Берг. 1893–1979 / ред.-сост. Я. И. Фет; сост. : Е. В. Маркова, Ю.Н. Ерофеев, Ю.В. Грановский; отв. ред. А. С. Алексеев. – М. : Наука, 2007. – 518 с.
6. Кирюшкин, М. В. Алгоритмически ориентированное правоведение / М. В. Кирюшкин // *Рос. юрид. журн.* – 2007. – № 3. – С. 17–27.
7. Шиенок, В. П. Сущность и методологическое значение принципов права / В. П. Шиенок // *Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь*. – 2014. – № 1. – С. 174–179.
8. Шиенок В. П. О некоторых системных противоречиях белорусской криминалистики начала XXI века / В. П. Шиенок // *Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики при раскрытии и расследовании преступлений* : материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 15 нояб. 2013 г. – Минск : Акад. МВД, 2013. – С. 269–271.
9. Керимов, Д. А. Кибернетика и право / Д. А. Керимов // *Сов. государство и право*. – 1962. – № 11. – С. 98–104.
10. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г. № 361-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
11. Алексеев, С. С. Право: Азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 1999. – 711 с.